

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЛЯНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual № 949917

Correo Argentino
Soc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO
Concesión № 4233
Concesión № 3980

INTERES GENERAL

Editor - Director

TATIANA K. DE DUBROWSKY

Monroe 4219, Dpto. 10

1430 Buenos Aires

Argentina

AÑO XXIX

Buenos Aires, martes

31 de Mayo de 1977

Буэнос Айрес, вторник 31 мая 1977 г.

№ 1422

О. БАРТЕНЕВ

Борис, Борис, Борис Коверда! Ура, Ура, Ура!

Полвека назад, 7-го июня 1927 года, в 9 часов утра, посланник Советского Союза Петр Войков прибыл на главный варшавский вокзал, чтобы встретить возвращавшегося из Лондона полненемчного представителя советского правительства в Англии Аркадия Розенгольца. Сперва, вместе с Розенгольцем, Войков отправился пить кофе в железнодорожный буфет, а затем оба вышли на перрон к скорому поезду Варшава - Москва, отходящему в 9 часов 55 минут. В тот момент, когда они уже находились около спального вагона этого поезда, раздался направленный в Войкова револьверный выстрел.

Стрелял 19 летний юноша.

Войков отскочил, бросился бежать. Нападающий не переставал стрелять ему вслед. Тогда советский посланник выхватил из кармана браунинг, обернулся и начал отстреливаться. Но маузер юноши бил метче. Войков пошатнулся и стал падать на руки подбежавшего полицейского сколодочного. Юноша спокойно повернулся лицом к другим поспевшим полицейским и по их требованию бросил револьвер на землю — в нем уже не было ни одного патрона.

Войков получил две огнестрельные раны: одну — в левую сторону грудной клетки, другую — в область мягких тканей правого плеча. От первого ранения советский посланник и скончался в госпитале Младенца Иисуса в 10 часов 40 минут того же дня.

Стрелявший же в Войкова оказался учеником гимназии Русского Общества в Вильне. Он объяснил свой поступок желанием «стомстить за Россию, за миллионы людей». Будучи противником существующего в России политического и социального строя он стремился к выезду на родину, чтобы принять там активное участие в борьбе против коммунизма. Но когда советское представительство в Варшаве отказалось ему в визе, он решил казнить Войкова, с которым никогда не разговаривал и к которому никаких личных претензий не имел. Ни какой политической организации юноша не принадлежал и покушение совершил самостоятельно, без чьего либо уговора или соучастия.

Имя его было — Борис Коверда.

Имя это — златоострыми буквами вписано в историю сопротивления русского народа мародерской большевистской власти и навеки стало синонимом личной, одиночной отваги и самопожертвования.

Журналисту Сергею Львовичу Войченко удалось увидеть Коверду через 15 минут после совершенного им покушения — в момент первого допроса в помещении полицейского участка на главном варшавском вокзале. Он свидетельствует, что несмотря на только что пережитое, юноша был совершенно спокоен и твердым голосом отвечал на задаваемые ему вопросы. Когда одно из лиц, присутствовавших при допросе, спросило его: «Зачем вы это сделали?», Коверда ответил:

— Я за национальную Россию и против интернационала.

Для допроса Коверды — продолжавшегося несколько часов — на вокзал

съехались все представители польской высшей судебной полицейской и администрации власти. После этого, под усиленным полицейским конвоем, Коверда был перевезен в варшавскую следственную тюрьму.

Выяснилось, что в Варшаву он приехал из Вильны, где постоянно жил в последние годы. Прошедшие между днем его приезда и покушением две недели Коверда прожил в качестве уголовного жильца у бедной торговки и питался одной водой и баранками.

Для проверки его показаний о том, что он не был связан с эмигрантскими организациями, власти произвели обыски в ряде польских городов в местных русских учреждениях и арестовали нескольких русских деятелей, но никакого уличающего материала не нашли.

Присутствовавший при казни Войкова Розенгольц в первые минуты после покушения метался в паническом страхе по варшавскому вокзалу, и затем выехал в Москву с гробом советского посланника (чей труп был набальзамирован).

Процесс начался 15-го июня 1927 года. На первом заседании суда, Коверда заявил: «Признаю, что убил Войкова, но виновным себя не признаю. Я убил Войкова за все то, что большевики совершили в России. Лично я его не знал». Своей улыбкой и благородным выражением лица Борис Коверда сразу за赢得了 общую симпатию до отказа переполненного зала. На скамье подсудимых, в привезенном ему родителями чистом белье и скромном пиджачном костюме, он казался совсем юным мальчиком. Однако во все время процесса он держал себя совершенно спокойно, несмотря на то, что ему грозила возможность вынесения смертного приговора.

Показания матери Коверды Анны — свидетеля защиты — дали полное представление о духовном облике бесстрашного мстителя:

«Борис был всегда впечатлительным, тихим и скромным. Он содержал семью и был опекуном и защитником своих сестер и моим. Работал экспедитором, а затем и корректором в газете «Белорусское Слово» и отдавал мне все заработанные деньги. Когда мы жили в Самарской губернии до 1920 года Бориса преследовали, называли «буржуйским» ребенком (несмотря на крестьянское происхождение семьи), уничтожили школу в которой он учился, и церковь. Раз при нем был разговор о том, что большевики заперли священника в хлев и издавались над ним, и это произвело на Бориса большое впечатление. Борис был верующим. В этом году он был у исповеди и причащался. Это было даже для меня неожиданностью, так как он очень был занят работой. Сын моей сестры был убит большевиками. Борис часто об этом говорил с моей сестрой. Он был свидетелем разгула Чрезвычайки. слёз мсей сестры. Когда Борис был еще 6-7 летним мальчиком, я иногда ему читала историю России. На него особенное впечатление произвела история Сусанина. Он сказал мне: «Мама, я хочу быть Сусаниным». Дома мы говорили только по-русски, мы считаем сёбя русскими из культуры. В Самаре Борис был свидете-

лем как расстреливали на льду нашего знакомого о. Лебедева. Другого знакомого, Кабанцева, большевики увезли и нельзя было узнать, что они с ним сделали. Борис, будучи тогда ребенком, видел отчаяние его жены и часто говорил о её слезах. Борис видел в России как большевики преследовали его учительницу, которую он очень любил. При нем в Самаре начальником четырех учебных заведений был назначен еврей, который вел с детьми разговоры о Христе, говоря, что Он — только способный сектант. Думаю, что это произвело на Бориса впечатление».

Не менее волнующими были слова самого подсудимого. Громко и отчётиливо, на польском языке, Коверда заявил следующее:

«Я хочу объяснить, каким образом я дошел до покушения на большевицкого послана Войкова. Большевицкий переворот застал меня учеником реального училища в Самаре. Однажды, директор училища перед выходом из школы собрал нас, учеников младших классов, и предупредил, чтобы мы не шли домой по главным улицам. Он сказал, что город занят красной гвардией и что нас могут пойти за то, что мы носим форменные фуражки. Я жил тогда в поселке Зубчаниновка, в 17 верстах от Самары, и ездил ежедневно в город. Я на железнодорожной дороге ежедневно был свидетелем бесчинств, совершаемых бандами демобилизованных солдат-большевиков. Раз я видел, как такая банда побила начальника станции и бросила в топку машиниста. Потом реальное училище закрылось и я жил в Зубчаниновке. Там тоже я не раз был свидетелем актов террора. Однажды — при мне мучили священника, которого увезли куда то и я его больше не видел. В другой раз — Зубчаниновку заняли красноармейцы. Они ходили по поселку в поисках лошадей, и, увидев меня, спросили, где здесь лошади и прибавили что пебьют меня, если я укажу неправильно. Началась гражданская война и после чехов Самару заняли красные; я опять был свидетелем террора в его полном объеме. Пошли расстрелы, грабежи, аресты».

Во время этих показаний Коверду постепенно охватило волнение и последние слова он проговорил почти плача. Но затем взял себя в руки и продолжал совершенно спокойно и твердо:

«Через год после большевицкого переворота наша семья возвращалась в Вильню и по дороге я опять везде видел большевицкие бесчинства. По дороге в Польшу я много слышал о чеках. Я был мал тогда, но я помнил, что был в жизни какой-то порядок, а затем наступил хаос. Может быть, со временем я бы все это забыл, но в Вильне я в течение двух лет был экспедитором в белорусских большевистских газетах. Я увидел, что эта работа ведется на червонцы, выкованные из церковных ценностей. Хотели и меня втянуть в эту работу, но я перешел в полонофильский «Громадский Голос». Но и тогда я еще мало интересовался борьбой с большевиками. И только потом, я начал читать о советской революции, начал читать газеты, в том числе и советские, я прочел книгу Красного, которая произвела на меня большое

впечатление. Я читал статьи Арцыбашева, я читал и польские книги, в том числе и книгу о голоде, и я понял, кто виноват в том, что положение России дошло до того, что люди стали людоедами. Еще в прошлом году я хотел ехать для борьбы с большевиками в Россию. Я говорил об этом моим друзьям. Но пришло время материальной нужды и мне не удалось осуществить мой замысел. Но когда мое материальное положение укрепилось, я опять начал мечтать о борьбе и решил поехать в Россию легально. Я собрал немного денег и приехал в Варшаву, а когда мне было в этом отказано, я решил убить Войкова, представителя международной банды большевиков. Я хочу еще прибавить, что я убил Войкова не как посланника, а как члена коминтерна».

Несмотря на молодой возраст подсудимого прокурор Казимир Рудницкий требовал для него «очень суровое наказание. Ибо вина его невыразимо тяжка. Его выстрел убил человека, убил посланника, убил иностранца, который жил на польской земле, веря в свою безопасность. Слишком тяжко оскорблен авторитет Речи Посполитой, чтобы она могла быть милостивой».

В защиту Коверды выступали адвокаты Мариан Недзельский, Павел Андреев, Мечислав Эттимгер и Франциск Пасхальский. Речь последнего — блестящее оправдание выстрелов 7-го июня 1927 года:

«Когда несколько лет тому назад на швейцарской территории рукой Конради был убит представитель советской России — Воровский, далекая от России, с Россией никогда ничем исторически не связанный, Швейцария сделалась свидетельницей процесса, во время которого перед судом прошли многочисленные свидетели, формулировавшие обвинительный акт против советского строя. Речь моего коллеги, адвоката Обера, превратилась в великолепную застежку, закрывающую кровавую книгу истории последних лет России. Следует признать, что сегодняшний процесс во многом напоминает тот процесс, разыгравшийся среди швейцарских гор, но, вместе с тем, он от этого процесса совершенно отличается. На скамье подсудимых: полумужчина, полуребенок.

Были моменты во время показаний Коверды, когда его уста кривились, как бы в плаче, и когда в них звучала как бы детская просьба. Коверда не сумел нарисовать историю своей первой Родины, каковой он считал Россию, не сумел говорить языком взрослого политического деятеля, пережившего и обдумавшего драму и решившего обратить своим выстрелом внимание на трагический узел событий. Коверда до сих пор помнит только мелкие, как бы ничего не значущие события детства своего и из этих событий делает выводы.

На сегодняшнем процессе, кроме того, не было свидетелей, вызвать которых защита могла бы в других условиях судопроизводства и которые своими показаниями дополнили бы объяснения слишком юного подсудимого. Чрезвычайное судопроизводство помешало нам использовать тех многочисленных, по всей Европе рассеянных, обвинителей, которые

взяли бы на себя моральную ответственность за поступок Коверды.

В течение нескольких часов мы допросили ряд свидетелей, показания которых по существу были бледными и лишенными красок. Несколько более интересных фигур, вроде отца Коверды, Софрана, старого, доведенного эс-эра, затем офицера красной армии, в конце концов — савинковского деятеля, редактора Павлюкевича, одного из лидеров белорусского движения в Польше, вот и весь политический материал, столь убого представленный в этом процессе. Остальные свидетели несомненно умеют чувствовать, может быть, даже умеют понимать чувства Коверды, но зато не умеют его защищать. А, между тем, мы все, принимающие участие в этой судебной трагедии, прекрасно понимаем ее значение, чувствуем, что Коверда не одинок, что процесс этот как бы сводит к минимуму часть мрачной картины. Но одновременно дело Коверды войдет в историю как доказательство того, как правительство Польши умеет соблюдать договоры. Когда посланник Войков был убит, праху его были оказаны генеральские почести и он под охраной польского правительства был доставлен к границе, где защищается польский барьер западноевропейских понятий о государстве и праве. Более того, правительство Пресветской Речи Посполитой, в лице прокуратуры, наложило на вашу судейскую совесть тяжкую обязанность судить Коверду в порядке чрезвычайного судопроизводства. Представитель СССР был ограничен приравнением его к понятию официального лица. Это сделало правительство, так хорошо понимающее опасность, которую советская Россия представляет для Польши. Но правительство сделало это, ибо оно из той же вечной сокровищницы народа духа, народа рыцарского великолепия, почерпнуло другую заповедь и эту заповедь диктует своим гражданам. Во всей великой трагедии Польши, наследником которой является правительство маршала Пилсудского, существовал и существует рыцарский принцип не вести двойной дипломатической игры, и перед этим принципом каждый гражданин Польши обязан покорно склонить чело.

Господа судьи! На основе этого принципа, вопреки всем чисто юридическим сомнениям по настоящему делу возник чрезвычайный суд, который, как я сказал, сократил рамку процесса. В силу вещей это сокращение должно было вызвать исключение из процесса всего того, что творится в России, с которой подписан мирный договор. Но, господа судьи, никто не может нам запретить говорить здесь обо всем том, что Коверда пережил и что толкнуло его на убийство.

Итак, эти детские воспоминания, ничего не значущие, как я сказал. Несомненно, для нас, которые видели уже столь многое, они имели бы второстепенное значение, но для него они — основа жизненного опыта. Он видит эти воспоминания в крови сквозь алмаз своих собственных слёз. Однажды, с него сорвали шапку, когда он шел в школу, якобы за то, что он был маленький «буржуиц», а для Коверды это была не фуражка, это был символ его положения в жизни.

Коверда любил «батюшку». Этот «батюшка», вероятно, не был героем, но Коверда верит в Бога, в православие, к своей вере глубоко, по детски, привязан — и вот «батюшку» раздеваю до нага, ведут к замерзшей речке, производят там над ним «ледяное крещение», и «батюшка» больше не возвращается домой. Несомненно, таких «батюшек» в России было много. Несомненно, белокаменная столица царей, украшенная тысячью церквей, могла бы рассказать Коверде и другие истории. Но для детской души, которая впервые смотрит на мир, иногда достаточно одна такая картинка, так, как достаточно было одной такой картинки для Коверды.

Коверда вернулся в Польшу, во вторую названную Родину. Жизнь заставила работать. Мальчик оказался экспедитором белорусской газеты, окрашенной в коммунистический цвет. Он получил возможность наблюдать своих товарищей, упоенных коммунистической идеологией, сторонников советской России. Он начал читать советские газеты. И вот — в нем начал зарождаться протест. Именно в этот момент история «батюшки» воскресла в нем, как живая. Публикуются в газетах приговоры по делам контрреволюционеров в советской России все более пробуждали эти воспоминания. И, наконец, мальчик почувствовал, не разумом, а силой детского чувства, что он — враг своих недавних дру-

зей. Он перешел из белорусской гимназии, с которой не имел ничего общего, в русскую. Почувствовал себя русским и противником большевиков. В дальнейшем он принял за изучение русских заграничных и советских газет, вчитывался в номера «Борьбы за Россию», дозревал. Каждый, отмеченный в русских газетах, акт террора является для него криком, выхваченным из русской действительности, криком убиваемого, призывающим к мести. Он более не в состоянии понимать строя, он не верит в то, что счастье мирового пролетариата требует кровопролития, он не видит целесообразности убийства, но ужас убийства постоянно наполняет его желания воскликнуть: «Довольно».

Я не хочу говорить о русской действительности, но должен зато подчеркнуть переживания, родившиеся в стрелу, с которого на главном вокзале пал господин посланник Войков. Мне кажется, что даже те, кто истолковали эволюционный манифест Маркса и Энгельса, широко введя в свою доктрину укрепление диктатуры пролетариата при помощи террора, не имеют права удивляться, более того, должны были бы понять психику мальчика, который поверил в диктатуру русского народа так, как они — в диктатуру пролетариата. Во имя этой диктатуры, соединенной в его представлении с церковными песнопениями и звоном московских колоколов, он применил тот же метод, что и они.

Жажда мести растет, растет. Мальчик перестает учиться. Он бросает работу, которая обеспечивает пропитание не только ему, но и любимой матери. Товарищи готовятся к экзаменам. Молчаливый, замкнутый Коверда проговаривается: «Я также, наверно, буду держать экзамен». Больше он ничего не поясняет. И только, вероятно, губы его дрожали так, как они дрожали в суде, когда он, руководимый глубоким юношеским чувством, просил Польшу простить его за то, что он «причинил ей столько неприятностей». Удивительное в этом ребятое соединение чего то взрослого и чего то совершенно детского.

Коверда приехал в Варшаву и тут в его руки попала книга, удивительная книга, так неслыханно близкая полкам, несмотря на все различия в истории Польши и России. Во время процесса спрашивали, были ли у Коверды сообщники. Генпрокурор снял с защиты обязанность доказывать, что этих сообщников не было. Я боюсь, однако, что сообщников надо искать далеко, в могилах, рассеянных по безграничным русским просторам, в реках, розовеющих от крови, среди тех, кто погиб от голода, от тифа, от пролетарской диктатуры среди всех тех, кто перечислен в этой именно книге Арцыбашева. Я убежден, что если бы этот великий русский писатель, имя которого, как молния прошло по Европе, был жив, ребёнок Коверда не был бы на скамье подсудимых один. Арцыбашев был этого не позволил. Ибо, если необходимо было последнее напряжение воли, если необходима была книга, замыкающая цикл размышлений Коверды, то этой книгой сделалась несомненно книга Арцыбашева, так напоминающая «Книги Изгнания» Мицкевича. В этой книге Арцыбашев обращается к швейцарским судьям по поводу дела Конради со словами: «Помните, что вас окружают миллионы теней, тысячи убитых мужчин, насилиемых перед смертью женщин, детей и старцев, как бы распятых на кресте. Все они напрасно молили небо о возмездии, но никто до сих пор не ответил на эту мольбу». Из этого настроения, столь близко напоминающего фрагменты из импровизаций Мицкевича, родилась идея, которая во имя народа топчет нравственность. «Тот, кто поднял меч, пусть гибнет от меча». «Вы — воскликает Арцыбашев — избрали террор средством террории. Ваш террор — преступление. Террор, направленный против вас — спредливое возмездие». И, в конце концов, он приходит к той, как будто простой истине, которая сопутствовала всем усилиям польского оружия: «Родина не дается даром». «Мы и только мы имеем право решать судьбу нашей родины». Наконец, в той же книге нашел Коверда также и разрешение вопроса о нарушении нейтралитета страны, в которой русский эмигрант совершил убийство: «Нельзя считаться с ним, так как следует кричать на весь мир, что мы — не парии, а граждани Европы».

Простите, господа судьи, что я позволил себе эти несколько пространные цитаты, но цитаты эти — вся защита Коверды. В них кристаллизировалась идеология берущейся эмиграции, идеология

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

581. ЭФИОГИЯ ПЕРЕХОДИТ В СОВЕТСКИЙ ЛАГЕРЬ. — СПИСОК 13-ТИ СОВЕТСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ, НАМЕЧЕННЫХ ДЛЯ ОБМЕНА НА ЧИЛИЙСКИХ КОММУНИСТОВ. — ВАГИН ВЫСТУПАЕТ ПЕРЕД АРГЕНТИНСКОЙ КОЛОНИЕЙ В РИМЕ И НА СОБРАНИИ «АМНЕСТИ». — НОВЕЙШАЯ СОВЕТСКАЯ ЧАСТУШКА.

Войска Заира и их марокканские союзники разгромили советско-кубинские части, вторгшиеся в Заир и вышибли их из захваченной ими южной части Катангии. Но, теперь обрисовывается советская угроза в противоположной части черного континента.

После свержения монархии в Эфиопии и гибели Хайле Селасе власть оказалась в руках просоветских авантюристов, прибегающих к массовому террору по ленинско-сталинскому образцу.

Сперва послушные им войска были направлены в разные области для подавления монархического движения, а затем пошли массовые расстрелы сотен протестующих студентов в Аддис-Абебе. Одновременно началась массовая ссылка иностранцев, в первую очередь американцев, на что Картер ответил прекращением всякой финансовой помощи, которая годами щедро оказывалась этой отсталой экономически стране.

Начались убийства соперничающих в борьбе за власть вожаков и очередной диктатор Менжицу обратился за военной и финансовой помощью к СССР, с которым быстро была заключена военная конвенция, по которой СССР поставляет танки орудия легкой артиллерии, грузовики и посыпает военных инструкторов.

Пехоту обещал поставить Фидель Кастро. Как в прошлые недели в Катанге, будут погибать подсоветские люди в не нужной для России военной авантюре сумасбродного диктатора, начинаящего поход для усмирения непокорной Эритреи, которая отвечает партизанской войной.

Одновременно создается военная угроза для Сомали, у которой эфиопский диктатор оснащает пограничную область Огаден.

Уже начались первые военные стычки на границах Эритреи, но нападение на Сомали пока отложено. Эфиопский диктатор Менжицу и президент Сомали Сидад Барре встретились 16 мая в порту Аден в Южном Иемене для разрешения

споров об Огадене. Но после высылки американцев и западноевропейцев, (среди которых три тысячи итальянцев), следует ожидать новых кровопролитий на границах Эфиопии и Эритреи.

Таким образом с начала настоящего года Африка является главным полем для советских военных авантюри.

Генерал Пиночет великодушно предложил обменять по примеру Корвалана и Буковского сразу 13 видных чилийских коммунистов на 13 политических заключенных в советских тюрьмах и концлагерях. Возможно что подействовали призывы монархической эмиграции о включении в этот список Огурцова и Осипова и обращение к «Амнестии Интернациональ» в Лондоне, а также обращение Е. А. Вагина к члену «Сахаровского» Комитета в Копенгагене поляку Б. Караватскому, как видим из представленного комитетом правительству СССР списка:

1. Оксана Попович проводит тридцатый год в заключении, сначала в тюрьмах, затем в концлагерях: стала калекой и может передвигаться лишь на костылях. (По моим сведениям, украинская сепаратистка.)
2. Ирина Сеник, родилась в 1925 году провела 14 лет в тюрьмах и концлагерях, где находится по настоящий день. Срок ее кончается в 1981 году. У нее поврежден позвоночник и повышенное кровяное давление. (Также украинская сепаратистка).
3. Ирина Стасив-Калинец, родилась в 1940 году, арестована с 1972 года, срок кончается в 1981 году страдает тяжелым заболеванием почек при высоком кровяном давлении, частые маточные кровотечения. (Также украинская сепаратистка).
4. Вячеслав Черновил, журналист, родился в 1937 году, провел в тюрьмах и концлагерях семь лет. Конец срока — 1984 год. При высоком кровяном давлении страдает хрониче-

тем более красноречивая для души юного мальчика, что тот, кто ее создавал, по примеру польских поэтов, черпал ее из глубины своего чувства и своей безграничной тоски по России. Недаром в книге Арцыбашева Ковердой подчеркнуты многие его мысли. Другие мысли Коверда сопроводил своими детскими примечаниями. Книга эта является сообщником преступления.

Вот история возникновения убийства. Зачатая где то на берегу Волги, сбдуманная в связи с швейцарским, на земле Винкельрида разыгравшимся, процессом, совершенная в городе, столько раз срощенным кровью в защите от той самой России, во имя которой сегодня выступает Коверда.

Тайна истории, неисповедимые пути Провидения заставляют Коверду, представителя русских идеалов, говорить о двойной родине, заключать в своей юношеской душе Польшу и антибольшевистскую Россию. И если бы взглянуть на этот процесс с исторической точки зрения, может быть, именно это заявление Коверды было бы для нас наиболее интересным, ибо я не могу согласиться с г. прокурором, когда он отказывает личности в праве прокладывать пути истории. Для г. прокурора человек — это только незначительная крупица, зернышко песка, гонимое временем. О, нет. Мне кажется, что один пример Коверды, который записал свое имя в историю, является ярким опровержением такой теории. Ибо, если существует идея, которая противопоставляет себя всем теориям той или иной диктатуры, если история не является только механическим развитием событий и происшествий — в истории этой должно найтись место для человека. История ему это место уступает, особенно в Польше, в Польше мучеников и поэтов, в Польше вождя, который создал чудеса вооруженной силой, о чем мы не имеем права забывать. И поэтому для меня Коверда не является крупницей, а с несколькими днями, несмотря на свою молодость, уже является человеком.

Г. г. судьи, я уже сказал в начале моей речи, что польское правительство возложило на вашу судейскую совесть невыносимую тяжесть судить Коверду в порядке чрезвычайного судопроизводства, что оно сделало это желая дать яркое доказательство лояльного отношения Польши к выполнению договора даже в тех случаях, когда она не может рассчитывать на взаимность. Но, г. г. судьи, нет власти, которая могла бы требовать смерти Коверды. Я позволил себе сказать, что этой смерти не имели бы права требовать даже те, против которых Коверда направил свой выстрел. Он перенял их метод действий — он не виноват в том, что служит другой идеи. Его детской головы не может также требовать ни польское общество, ни польский народ.

Г. г. судьи, я верю, что ваш приговор, в котором должно заключаться величие народа, покажет миру, что Польша, памятуя свои страдания, умеет понимать чужое горе».

15-го июня суд приговорил Бориса Коверду к бессрочным каторжным работам.

Десять лет спустя, выпущенный на волю с расшатанным здоровьем Коверда приехал в Югославию в Донской Кадетский Корпус, чтобы сдать экзамен на аттестат зрелости. Ныне здравствующий в Соединенных Штатах Борис Софронович наверное до сих пор не без волнения вспоминает о том как он был встречен.

«Борис, Борис, Борис Коверда! Ура, ура, ура!», скандировали без устали ветераны, кадеты при виде героя. Но и теперь, через полвека после выстрела в Войкова, этот же крик глухим набатом стучит в сердца тех представителей третьего поколения русской эмиграции, которые — подобно юному Коверде — хотят быть Сусаниными».

А таковые хотя не считаны, но и не считанные.

О. БАРТЕНЕВ

О. НИКИТИН

ОКНО В РОССИЮ

РАДИОГЛУШЕНИЕ И РАДИОЛОЖЬ

Недавно в СССР был отпразднован День Радио. День Радио был учрежден ССВАРКОМом только в 1945 году. Подход к радио был выработан еще Лениным. Ильин называл радио «газетой без бумаги и расстояния!! А к газете, к средствам печати, у Ильинца был сугубо утилитарный подход: «Газета — это не только коллективный пропагандист и агитатор, но и коллективный организатор». Таким же коллективным пропагандистом, агитатором, организатором стало в стране советов и радио. На него утилитарный ленинский подход был распространен немедленно. Здесь четко обозначились две цели: воздействие на население своей страны и воздействие на зарубежье. Разберем обе отрасли советского радиовещания.

Начнем с внутрисоюзного. Во первых, объем. Только Центральное радио выпускает в эфир ежесуточно до ста передач и около ста выпусков информационных программ. К этому следует добавить республиканское и местное радиовещания — свыше тысячи часов в сутки.

Объем — гигантский. Но почему же тогда так велика в населении страны тяга к самодельным радиопередатчикам? Таких передатчиков в стране, по самым скромным подсчетам, — около 20 000, в шесть раз по числу больших, чем официальных радиостанций. В Донецке — 125, в Казани — 115 и так далее. При крайней скучности ассортимента радиотоваров любители ухитряются мастерить радиостанции с дальностью действия до двухсот километров. Наделяют их самыми фантастическими именами — «Золотой Петушок», «Радио Ангел», «Вольные сыны эфира» — и выходят в эфир с музыкальными, религиозными, сатирическими, а подчас и политическими передачами, рискуя при этом, в лучшем случае, крупным штрафом, а в худшем — заклю-

чением на срок до четырех лет. Почему так жаждут слушать в стране зарубежные радиостанции — несмотря на гигантскую, мощную, единственную в своем роде в мире систему глушения, несмотря на плохое качество и дорогоизнену котиков и волнов приемников? В СССР — всех-то приемников шестьдесят с небольшим миллионов, по одному на четырех человек. Для сравнения, в Америке на каждого гражданина, включая грудных младенцев, приходится по одному и семь десятых приемников, то есть насыщенность в семь раз выше.

Кстати, о глушении... Советский Союз в этой области — не только абсолютный чемпион мира, но и пионер, застрелищик. Первые опыты по массовому глушению были проведены еще в 1925 году. При этом был успешно использован опыт пятикиловаттного германского передатчика, глушившего во время Первой мировой войны радиообмен между Парижем и Петроградом. В 1931 году Советский Союз уже глушил румынское радио... Но настоящий расцвет глушения начался после 2-й мировой войны. В 1950 г. между Эльбой и Тихим Океаном стояло от двух до двух с половиной тысяч станций глушения. 14-го декабря 1950 года Генеральная Ассамблея ООН 49 голосами против пяти (читатели, конечно, догадываются, кому принадлежали эти пять голосов) приняла резолюцию с резким осуждением глушения, назвав его «нарушением принятого Объединенными Нациями принципа свободы информации», «отрицанием права каждого человека независимо от границ полностью информировать себя посредством новостей, мнений, идей».

Глушение советское свирепствовало и при Сталине, и после смерти Сталина, пока вдруг, в начале шестидесятых годов неожиданно не стихло. Какое-то время большинство передач на русском языкешло без помех. Кое-кто из иностран-

ных оптимистов уже заговорил было о начале эры взаимопонимания, но эксперты таких оптимистов охладили. Парчик просто открылся. Конфликт с Китаем вызвал необходимость создания еще одной огромной системы глушения и на востоке страны, аппаратуры и кадров не хватало — ну вот и перебросили глушники временно с западного фронта на восточный.

Сколько же все это народам нашей страны стоит? Аппаратура обошлась в четверть миллиарда. А что касается расходов на содержание, то есть одно правило: глушение обычно в семь раз дороже вещания. Так что судите сами. Кстати, число станций глушников, хоть и прекратили орудовать против Би-Би-Си и некоторых других станций, не сократилось, а увеличилось сейчас до 3 000 передатчиков. Что не помешало, скажем, журналисту Владимиру Познеру в передаче на английском языке для Северной Америки 5-го августа 1975 года, сразу же после Хельсинки, заявить: «Советский Союз не глушит передачи других радиостанций».

Теперь о второй ветви радиоработы в СССР — вещании для заграницы. Это — 70 языков, примерно, две тысячи часов в месяц, плюс работа вспомогательных станций: «Радио Мир и Прогресс», станций, выдающих себя за подпольные передатчики компартий Ирана, Турции, Чили, других стран, всего — десятков центров. Когда Индия в шестидесятых годах протестовала против передач «Радио Мир и Прогресс», советское правительство ответило: это, мол, общественная организация и мы на нее влиять не можем...

И в этой области Советский Союз — пионер. Первый призыв к мировой революции пошел в эфир с антенны советского военного передатчика в ноябре 1917 года. Принял его радиолюбитель в Вене, который, однако, стремления к мировой революции не проявил — это был довольно состоятельный банкир. С 1925 же года радиостанция имени Коминтерна приступила к регулярным передачам для заграницы на множество иностранных языков.

МЕСХОВ НЕ ПУСКАЮТ В ГРУЗИЮ

Судя по размаху глушения иностранного радио в СССР, думается, что руководителям КПСС следовало бы, кроме Дня Радио праздновать и День Радиоглушения! Оно, ведь, в сущности, выполняет столь же важную роль, что и советское Радио — глушит мысль и информацию!

А теперь обратим внимание читателей еще на одну знаменательную дату, которая, хотя и не отмечается в советских календарях, однако, представляется важной вехой в истории правозащитного движения в Советском Союзе.

Год назад, 12-го мая, в Советском Союзе была образована первая, московская Общественная группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений. В ее вошли: член-корреспондент АН Армянской ССР Юрий Орлов, — руководитель группы, генерал Петр Григоренко, рабочий Анатолий Марченко, супруга академика Сахарова Елена Боннер, руководитель Общественного русского фонда помощи заключенным и их семьям Александр Гинзбург, сынолог Виталий Рубин, историк Михаил Бернштам, астрофизик Александр Корчак, инженер Анатолий Щаранский, и геолог Мальва Ланда. Впоследствии состав группы претерпел изменения, а Юрий Орлов, Анатолий Щаранский и Александр Гинзбург были арестованы, и находятся до сих пор в заключении.

За год своего существования группа, несмотря на преследования властей, продела большую работу. В соответствии с целью своей деятельности: информировать правительства и общественность стран-участниц Хельсинкского совещания о фактах нарушения Хельсинкских соглашений в СССР, группа обнародовала за время своей деятельности около 20 тип документов содержащих конкретные факты нарушения в СССР гуманитарных статей Хельсинкского соглашения.

В мае месяце на Западе был опубликован новый документ группы содействия — № 19. Он посвящен фактам дискриминации и препятствию возвращению месхов на свою родину — в Грузию, от-

ски головной болью. (Также известный украинский сепаратист).

5. Семен Глузман, родился в 1942 году, врач психиатр, арестован в 1972 году, конец срока — 1982 год.
6. Святослав Караванский, известный украинский журналист, родился в 1920 году, проводит 29-й год в заключении. В последний раз был арестован в 1965, конец срока — 1979 год. Высокое давление крови, тяжелое сердечное заболевание и постоянные головные боли.
7. Эдуард Кузнецov, родился в 1937 году, провел в заключении 13 лет, в последний раз арестован в 1970. Срок — 1985 год, страдает серьезным желудочным заболеванием — организатор неудавшегося захвата советского самолета в Ленинграде, имел за это смертный приговор.
8. Сергей Ковалев, ученик, член подсекции Секции «Амнисти Интернациональ», арестован в 1974 году, срок кончается в 1984 году. (Хорошо известный на Западе сподвижник академика Сахарова).
9. Валентин Мороз, родился в 1936 году, провел в заключении 12 лет. Арестован снова в 1970 году. Срок истекает в 1984 году. Страдает серьезной болезнью печени и общей слабостью всего организма.
10. Игорь Огурцов, переводчик, родился в 1937 году, арестован в 1967 году, срок кончается в 1984 году. Во время заключения потерял от цынги все зубы, также потерял волосы, страдает постоянными головными болями. — Читатели хорошо знают облик этого основателя ВСХСОН, глубоко верующего, пламенного монархиста, которого так важно спасти.
11. Владимир Осипов, писатель, арестован в 1974 году, срок кончается в 1982 году. — О нем дано слишком мало данных в этой официальной справке, нет года рождения, умалчивается о проведенных им предыдущих годах заключения.
12. Юрий Шухевич, родился в 1933 году, провел в тюрьмах и лагерях 25 лет. Срок кончается в 1987 году. Болен язвой желудка.
13. Георгий Винц, служитель религиозного культа, глава баптистов в СССР, арестован в 1975 году. Срок кончается в 1985 году. — Это осно-

ватель подпольной типографии в Латвии, которая успела выпустить свыше тысячи Евангелий, распространяя их по всей стране не только среди баптистов, но и среди православных. Несколько лет прошло до обнаружения типографии, шрифт для которой баптисты похищали в советских типографиях.

В списке чилийских коммунистов одни мужчины, а советский список открывается тремя украинками с многолетним сроком заключения и тяжкими заболеваниями. Они несомненно будут выпущены в первую очередь, но возможно, что Брежнев захочет получить всех 13 человек и это дает основание надеяться, что увидим на Западе Огурцова и Осипова. Появление наших единомышленников на Западе сразу усилит монархический лагерь тем более, что Огурцов и Осипов сравнительно молоды. Будем молиться да Господь ослабу и свободу им подаждь».

Читателям будет интересно узнать об успехе выступления Вагина перед аргентинской колонией, столицей многочисленной в Риме. Оно состоялось в величественном аргентинском храме в честь Скорбящей Божией Матери на площади Буэнос-Айрес, заложенном 15 июля 1910 года по случаю столетия независимости Аргентины и освященном 9-го декабря 1913 года аргентинским кардиналом Эспиноса, прибывшим для этого в Рим.

Сначала Вагин говорил о возрождении религиозного чувства среди подсековой молодежи с возвратом к славному прошлому родины, что естественно приводит к возрождению монархического мышления. Далее он перешел к основанию среди молодых ленинградских научных работников ВСХСОН в 1963 году, к его разгрому четыре года спустя, при котором уцелели отдельные нераскрытие группы и сохраняется их мировоззрение. Таким образом нельзя считать разгромленным движение, которое за четыре года существования пустило корни и основало ячейки в самых отдаленных городах не только Европейской, но и Азиатской России. При этом подчеркнуто, что его участниками являются молодые научные работники, инженеры, техники, преподаватели и квалифицированные рабочие, родившиеся или в ежовицкую или в военные и послевоенные го-

ды — следовательно, самая молодая часть народа, которая рано, или поздно срывает гнет стариков-кровососов из патриота.

На этом докладе присутствовали молодые священники, проходящие в Вечном Городе высшую богословскую школу, коммерсанты и малочисленные аргентинские журналисты. После доклада Вагин отвечал через переводчика на самые разнообразные вопросы о родине, которую он сам так недавно покинул, свидетельствуя о жизни интеллигентских кругов Ленинграда и Пскова, где прошла его юность и о мордовских концлагерях, где за восемь лет заключения прошли перед ним не только русские, но и выходцы из всех народов страны. Там среди заключенных постепенно росло число монархистов.

«Амнисти Интернациональ» все время демонстрирует, что борется на два фронта. С одной стороны — против преследований инакомыслящих в СССР и европейских сателлитах, а с другой против «преследований» в Чили, Аргентине, Уругвае, Бразилии, Иране, Индонезии и прочих странах, правительства которых враждебны коммунистическим диктатурам. Поэтому оно организовало при содействии ордена доминиканцев в их помещениях в Болонье совместное выступление Е. А. Вагина о положении в СССР и коммунистического синдиката чилийского города Валпараисо Башковича, сербца по происхождению. Вагин сначала выступил с докладом о преследовании инакомыслящих за их убеждения, говорил о возрождении в молодежи религиозности после разочарования в марксизме и о ВСХСОН, его христианском мировоззрении и о суждении участников, которые продолжали распространять свое учение в мордовских концлагерях, в которых он сам находился. Затем выступил Башкович, который хитро стал говорить о союзе между католической партией и коммунистами, которых якобы одинаково преследует правительство Пинччета. Но, вопреки принятому обязательству говорить только о своей стране и личном опыте, вдруг заговорил о том, что большевизм избавил русский народ от крепостной зависимости и превратил отсталую страну в индустриальную великую державу, которая является сейчас самой передовой и самой культурной страной в мире, как это было в наименованиях Ленина, величайшего гения.

Тогда Вагин снова взял слово, чтобы напомнить, что не касался положения в Чили, с которым сам не мог познакомиться на месте, но, если признать у Ленина добрые намерения, то ими вымощен путь в ад, который создал Ленин и его преемники, причем, этот путь вымощен костями 60 миллионов человеческих жертв, что во много раз превышает все население Чили. Эти слова вызвали гром аплодисментов по адресу Вагина и полную растерянность Башковича, который не сумел ничего ответить.

Председатель закрыл собрание и прислал обоих докладчиков в ресторан. Там все стали поздравлять Вагина за его убедительный доклад и отпор Башковичу. Растерянный Башкович постоял немного со своими друзьями-коммунистами, которые увили его в другой зал того же ресторана. Их была небольшая кучка, а вся публика осталась чествовать Вагина и благодарить, что сумел «отбить» лгуну коммуниста. Многие замечали, что при отсутствии успеха в Чили коммунисты прячутся за спину либеральных католиков, которых якобы преследуют наравне с ними!

В заключение хочется привести новейшую частушку, которую мне привезли из Ленинграда. Надо сказать, что до войны с Японией в 1904-5 гг. мы не знали о существовании на Дальнем Востоке рыбьи кеты, которая дает вкусную красную икру, гораздо более дешевую чем черная икра паюсная.

Теперь неизвестно почему исчезла с рынка и нет в столичных ресторанах красной кетовой икры. Одно время продавалась желтая икра, привозимая из Дании, но потом она исчезла, вероятно, по виновным соображениям.

Поэтому теперь в столичных ресторанах подают лишь дорогую черную икру, доступную по цене лишь партийно-советской бюрократии.

Отсутствие в Продмагах и Гастроно-мах и ресторанах дешевой и вкусной красной кетовой икры вызвало появление следующей частушки:

«Мой сосед объелся
Красною икрой
Красною икрой
Красною икрой
В это время правил
Николай Второй!»

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

куда они были высланы в 1944 ом году в Среднюю Азию вместе с рядом других национальных меньшинств.

Важно также отметить, что вслед за созданием московской группы содействия выполнению хельсинских соглашений, такие же группы были созданы в Киеве, Вильнюсе, Тбилиси и Ереване.

НЕ НУЖНО БОРОТЬСЯ ЗА ЧИСТОТУ, НУЖНО ПОДМЕТАТЬ

А теперь хотелось бы привлечь внимание читателей к предмету, который некоторым может показаться по началу до зевоты скучным — к недавнему постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему повышению роли мастера». Но, думаю, скучно не будет.

Где то этак в конце 1975 года внимательному читателю советских газет не могло не броситься в глаза примечательное сообщение: в числе новоиспеченных лауреатов Государственной премии оказалась целая группа награжденных, как писалось, «за инициативу в развертывании наставничества». Сообщение это свидетельствовало: очередная кампания достигла своего апогея следовательно, по всем бюрократическим законам ей пора пойти на спад. И действительно, в последующие месяцы заметно поубавилось статей на дежурную «наставническую» тему, кампания стала чахнуть. А ведь вспомнить: сам Брежнев в апреле 1975 года сообщал делегатам XVII съезда комсомола: «в рабочем классе зародилось новое замечательное движение — движение наставников молодых рабочих». Удивительно все же — началось движение в рабочем классе, да вот с чего бы ему тогда так энергично захиреть? Ответ, повидимому, в том, что почин, привнесли не то рабочих, а от совершенно другого ведомства. Проглядывая газеты за 1975 год я наткнулся вот на такое сообщение из газеты «Известия» «Семинар наставников»: «В Москве состоялся семинар специалистов наставников органов внутренних дел — работников милиции, ОБХСС, пожарной охраны. Лучшим из них, кто добился больших успехов в воспитании молодой смены в духе преданности делу ленинской партии, была объявлена благодарность... и вручены памятные подарки».

Ну вот, мы добрались до истоков монгийской идеи — не в рабочем классе, а в Министерстве внутренних дел. Оттого надо думать, сколько скопостижно и захирело движение — в самом деле, быть надзорителем на общественных началах — у многих ли хватит пару?

И вот теперь, началась кампания за повышение роли мастеров с того, что посыпали им и табель о рангах — «мастер 1-го класса», «мастер 2-го класса», и к зарплате прибавку. Чего же ожидают от мастера? Во-первых, борьбы за качество. Это понятно, это вытекает из решений последнего партсъезда — объявить 10-ю пятилетку пятилеткой качества. Во-вторых, ждут от мастера, что он поведет, как говорится в постановлении, «большую работу по воспитанию рабочих коммунистического отношения к труду». То есть, сделает то, чего коммунистической партии за 60 без малого лет сделать не удалось.

Можно думать, что постановление это разделит печальную судьбу своих ближайших предшественников. Оно и по фразеологии ничем не отличается. Вот ключевые обороты, цитирую: «позвысить, улучшить, привлекать, оказывать, обобщать, осуществить», ну, и, конечно, «обязать». Заодно с партийными, советскими, а равно и комсомольскими организациями не пропустили и организации профсоюзные. Их тоже — «обязать». Словно бы лишний раз подчеркнули служебную, подконтрольную роль профсоюзов. Но здесь-то, возможно, и разгадка того, по какой причине партмероприятия, родившиеся, якобы, в среде рабочего класса, оказываются на изумление мертвыми, еще и родиться-то как следует не успев. Ильф и Петров советовали: не нужно бороться за чистоту, нужно подметать. Наверное, не нужно обзывать профсоюзы следить за рабочими, нужно, чтобы они следили за интересами рабочих. Не нужно бороться с прогулами, нужно за работу платить столько, чтобы прогул был ударом не только по государственному карману — до этого рабочему, как говорится, до лампочки, нужно, чтобы рабочий реально чувствовал потерю в заработке, если он на работу не идет. Не нужно, чтобы труд продолжал быть делом доблести и геройства — труд не война — тогда и не нужно будет воспитывать коммунистическое отношение к

† Русская Православная Ассоциация в Аргентине с прискорбием извещает о скоропостижной кончине ее председателя и долголетнего настоятеля храма Св. Троицы (ул. Бразиль 315)

МИТРОФОРНОГО ПРОТОИЕРЕЯ ОТЦА ФЕДОРА ФОРМАНЧУКА,

последовавшей 22 мая 1977 года.

Погребение состоялось на Британском кладбище (El Capo 4568, Sec. 11). Панихиды совершаются ежедневно до 40-го дня, т. е. до 30 июня в будние дни в 18 час., а в праздники после литургии.

ПРАВЛЕНИЕ

† 31-го мая 1977 года скончалась

ХУДОЖНИЦА ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА РЫК

и погребена на Британском кладбище г. Буэнос Айреса,
о чем с прискорбием сообщают друзья

Зарубежная жизнь

КОНЧИНА МИТРОФОРНОГО ПРОТОИЕРЕЯ ФЕДОРА ФОРМАНЧУКА

В воскресенье 22-го мая 1977 года — в день Св. Троицы, — отслужив Божественную литургию, молебен святому Николаю Чудотворцу и панихиду по Царской Семье на 69 ом году жизни скоропостижно скончался долголетний настоятель старейшего православного храма в Южной Америке — Собора Св. Троицы на буэнос айресской улице Бразиль 315 — митрофорный протоиерей Федор Форманчук. Покойный родился в 1909 году в Кременце на Волыни. По окончании семинарии был в 1930-ом году посвящен во иерея, а после Второй мировой войны прибыл в Буэнос Айрес, где и прослужил целых 30 лет в Св. Троицком соборе, сперва при его основателе о. Константине Изразцове, а затем и как настоятель храма.

Как известно, несмотря на свое месторасположение Собор Св. Троицы не входит в состав аргентинской епархии зарубежной Церкви, а находится в непосредственном ведении митрополита Филарета. Новым настоятелем храма теперь является молодой и энергичный священник отец Валентин Иващенко.

Израиль сегодня

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Евреи утверждают, что и убийство саудоаравийского короля Фейсала было организовано Кадафи. Но не все. Многие евреи при таком утверждениистыдливо опускают глаза.

Убиты почти все организаторы нападения в Мюнхене на израильских спортсменов в 1972 году. Сверх того и один совершенно непричастный к преступлению араб Ахмед Бушки. Зато, главного виновника — Хасана Саламе — предводителя «Черного сентября» в Европе, не смогли поймать до сих пор даже евреи.

США помогают и Египту! Опять сто миллионов долларов, а с предыдущими займами, с января прошлого года уже 400 миллионов. Израильтяне волнуются, а арабы их успокаивают: «вы и с миллиардами не смогли ничего сделать, а что мы можем сделать с миллионами?»

Число девушек-полицейских доведено в этом году до 1974, и несмотря на то, что 82 из них с высшим образованием, преступность растет.

Получены сведения о том, что в мексиканской деревне Вента Приета, в часе езды от столицы, кроме 150 евреев, построивших в центре деревни синагогу, живет еще 850 индейцев.

Восьмидесяти восьми лет доктора Юделевича, уроженца России, так и не удалось выманить в Израиль из Китая.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Всем, оказавшим мне помощь и выразившим соболезнование в постигшем меня горе, смерти моего независимого мужа Юрия Алексеевича Слезкина, приношу мою сердечную благодарность.

Лия Слезкина

труду. И не нужно надеяться, что вот поддадут да поднажмут на мастера — и пойдет, наконец, дело. Экономическая политика государства ни от мастера, ни от стрелочника не зависит. И, кроме того, можно предположить, что мастеру сподручнее обучать других мастерству, а не политграмоте. На то он и мастер. Красивое, емкое слово.

О. НИКИТИН

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Издатель-Редактор

Т. В. ДУБРОВСКАЯ

Соредактор

Н. Л. КАЗАНЦЕВ

Телефон Редакции: 52-7426.

Статьи, подписанные фамилией или инициалами, не обязательно всегда полностью выражают мнение редакции. Редакция не отвечает за содержание публикуемых объявлений, сообщений иных документов, исходящих от учреждений или частных лиц. Редакция не возвращает присланые ей материалы.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Семья безвременно скончавшегося митрофорного протоиерея о. Федора Форманчука: матьшка Галина Петровна, сын, невестка и внук приносят свою глубокую благодарность Его Преосвященству Преосвященнейшему Архиепископу Афанасию, духовенству, хору и всем друзьям за молитвенное соболезнование и участие в их тяжелой утрате и за проводы навопреставленного до места последнего упокоения.

СПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

■ Неподалеку от парижского университета, по приглашению «Группы борьбы за освобождение гомосексуалистов» и «Группы лесбиянок, борющихся за права женщин» собралось свыше пятисот делегатов и делегаток из разных стран. Они устроили шумный фестиваль на площади и побежали устраивать его ежегодно. Все они были оскорблены равнодушiem парижан, воздержавшихся от выражения восторга. Полиция, оказалась тоже участия в празднике не приняла.

■ В конце войны у датских берегов была потоплена немецкая подводная лодка, в которой, по слухам, остались большие ценности, вывезенные из Германии. Эти слухи очень волнуют датчан. Но не меньше волнует и то, что, тоже по слухам, лодка заминирована и малейшее прикосновение к ней опасно. Многие ломают голову над тем, как невинность лодки соблюсти и утонувший вместе с ней капитан приобрести.

■ Французский делец из Гренобля Эжен Руж выдал векселей на 120 000 франков, которые не нашли покрытия из-за ошибки банковского компьютера. От дельца все отвернулись, и он обанкротился. Суд присудил потерпевшему 700 000, но банк подал кассацию. Кассационный суд отменил приговор и присудил 1 350 000 франков.

ФИЛИН

АЛИ
Тель-Авив

БЛАГОДАРНОСТЬ

Правление Союза Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского приносит свою глубокую благодарность госпоже Маше Павловой за прошедший с огромным успехом благотворительный спектакль, безвозмездно устроенный ею при участии ее балетной студии, в пользу Корпусного Старческого Дома в Villa Ballester в воскресенье 8-го мая с. г.

Вышла из печати и поступила в продажу новая книга

М. КАРАТЕЕВА

БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ НА БАЛКАНАХ

Цена в Аргентине — 1500,00 пэсо,
в других странах — 7,50 ам. долл..